

2022

МОЛОДЫХ
ЛЮБОВЬ
АНДРЕЕВНА

Возрастание духовное многогранно
(очерк)

specialviewportal.ru



ИСКУССТВО
НАУКА И СПОРТ



ОСОБЫЙ
ВЗГЛЯД

Специальный портал
для людей с нарушениями зрения

**Всероссийский конкурс литературных работ
людей с нарушением зрения,
посвященный Году культурного наследия
народов России**

Номинация «Эпос»

Всероссийский конкурс литературных работ
людей с нарушением зрения,
посвященный Году культурного наследия народов России

Номинация «Эпос»

Возрастание духовное многогранно

очерк

Автор:
Молодых
Любовь Андреевна

Перевалило за полдень, и мы с сыном выходим из дома, прикрываем калитку. У меня в руках белая трость, у него — футляр с моей гармошкой. Гармонь небольшая, шуйская двухрядка, но тяжёлая, если нести её у колена. На ремне через плечо её вес как-то не ощущается.

Августовский день замер от зноя. Пахнет разогретой солнцем сосновой хвоей, зрелыми травами, из палисадников доносится аромат бархатцев и люпинов. Моя трость путается в траве по обочинам, ноги утопают в дорожной пыли. Из-за заборов слышится ленивое поквохтывание кур. Берёзы во дворах у дороги не шевелят ни единым листком. Высокие, как сказочные замки, кучевые облака у нас над головой окрашены во все солнечные цвета — золотой, синеватый, розовый, но я, растворяясь в этом зное, ощущениях и ароматах, пожалуй, не подумала бы об облаках, если бы не упоминание о них сына. Он привык говорить мне о том, что видит вокруг, чтобы я могла, дополняя свою картину, вспомнить: и это тоже существует! Как прекрасна Земля — творение Твоё, Господи!

Мы живём в Озёрках, и здесь требуются разъяснения. Дело в том, что Озёрок в наших местах двое: село и станция. Стоят они в пяти километрах друг от друга, и оба на железной дороге. В обоих есть церковь. Село, безусловно, старше станции. Оно возникло примерно в 1763 году на дороге из Барнаула в Санкт-Петербург на большом перегоне между сёлами Повалиха и Тальменка (нашим нынешним райцентром). Поскольку место оказалось удачным, село процветало и разрасталось.

Станция же возникла в 1913 году, когда в этих краях начали тянуть железную дорогу. Сначала это был 15-й разъезд, позднее его переименовали в станцию Озёрки.

Ещё недавно озёр в окрестностях действительно было множество. Мне удалось узнать из документов, выложенных, разумеется, в интернете, названия по меньшей мере десяти крупных озёр. Были, например, Щучье и Лебяжье, и названия говорят сами за себя. На озере Большое Займище, на опушке густого сказочного леса, возле села Озёрки, в 1943–1944 годах Александр Роу снимал своего «Кощея Бессмертного»; в массовке были задействованы жители села. С тех пор в селе есть район, именуемый в просторечье Кащеевкой.

А в шестидесятых-восьмидесятых годах вода ушла, кто-то пишет — по естественным причинам, кто-то обвиняет деятельность людей. Как бы там ни было, из водоёмов осталась только крохотная речушка Кашкарагаиха.

Мы с сыном живём на станции, и огородом своим наша усадьба упирается в тот самый сказочный лес, которому мы от всей души желаем снова стать таким же густым, как в сороковых годах прошлого века.

Наш путь лежит в церковь. Сегодня в воскресной школе вечерки, где я должна играть. Ужасно трушу — мне впервые предстоит пока-

заться с гармонью на людях.

К гармонии я ещё не привыкла. Всего восемь недель, как первый раз взяла её в руки. Впрочем, я начала обучение не с нуля. В юности я закончила музыкальную школу по классу аккордеона, правда, с тех пор подрастеряла приобретённые навыки: во взрослой суетной жизни, пока видела, как-то не было для аккордеона времени.

Я всегда любила свой аккордеон, но ещё тогда, в детстве, пошла бы вместо него на гармони, но игре на гармонии в нашей музыкальной школе не учили. Да и позднее как-то не встречались мне гармонисты, готовые давать уроки. Так я и пронесла мечту о гармонии через годы.

А совсем недавно мне повезло: я узнала, что Екатерина Дмитриевна, женщина, регентующая у нас в храме, преподаёт детям в воскресной школе игру на гармонии. Я долго колебалась, не решаясь подойти и попросить взять в ученицы меня. Но, как говорится, охота пуще неволи — всё-таки подошла.

Нотной грамоты на шрифте Брайля мы обе не знаем, и наши уроки проходят так: сначала беру гармонию я, показываю своё домашнее задание, потом гармонию берёт она, и я включаю диктофон. Дома прослушиваю сделанные записи и подбираю на слух.

Наш сельский храм носит имя «Неопалимая Купина». Мне всегда нравилось такое название. Какая беда в селе страшнее и стоит ближе, чем пожар? Иконе Божией Матери «Неопалимая Купина» молятся именно от этой беды. Каждое воскресенье перед службой в храме читается акафист этой иконе. Такое правило ввёл настоятель нашего храма, иеромонах отец Исаия. Он служит на станции Озёрки третий год и приезжает сюда из Сорочьего Лога, это село в тридцати километрах от Озёрок, если считать по прямой. По трассе расстояние увеличивается почти вдвое — сорок семь километров. Там, в Иоанно-Предтеченском архиерейском подворье, у него основное место службы.

Отец Исаия приезжает в Озёрки перед вечерней службой в субботу, ночует в крохотной келейке при церкви, утром служит литургию и насущные требы. И при этом успевает заниматься другими делами храма. А затем возвращается в Сорочий Лог, на вечернюю воскресную службу.

— Где же ваш дом, прописка? — как-то раз спросила я отца Исаию.

— *Живу я в городе Барнауле, — с улыбкой ответил он, — но трудно сказать, что я там живу, поскольку надо в Сорочьем Логу послужить и там остаться, и сюда приезжаю. Я в Барнауле сейчас практически не бываю, о чём очень жалеет моя мама.*

— Что входит в ваши обязанности? И что обозначает «иеромонах»?

— *Иеромонах означает священники и монахи. Моя работа заключается*

именно в том, что я служу в разных обителях. Проповедую, исповедую; и ещё такое направление у нас — монашество. Я рад, что нахожусь в монашеской обители, где можно, если, конечно, послушаний немного, тихо помолиться, заняться монашеской практикой, потому что пока в городе служишь, по ночам даже молиться нельзя. Почему? Потому что за руль сядешь потом, на светофоре уснёшь, и будут тебе бибикать: «Давай едь», — а ты спишь. И такое было. А когда в обители находишься постоянно, не за рулём, можно и ночью встать помолиться, и молитвенное правило увеличить, и другими правилами заняться.

— Расскажите немного о нашем храме, — прошу я.

— Да, о храме есть что рассказать! Придя сюда, я сначала думал, это обыкновенный сельский храм. Но стал находить информацию, некоторые книги прочитал и был очень удивлён. Храм оказался необыкновенным — исторически необыкновенным! Здесь жила первая семья Иоанна Кронштадтского. Она состояла из монахов — они жили именно семьёй, у них было общее хозяйство. На основе данных, которые мы подняли, прославление Иоанна Кронштадтского на Алтае началось именно здесь. Сейчас на Алтае много храмов, названных в честь этого святого; есть обитель в Кислухе — Иоанно-Кронштадтский монастырь. Это благодаря той общине, тому, что они его почитание сюда привезли.

И отец Исаия делится планами:

— Учитывая историческую важность этих событий, здесь, при храме, необходимо создать музей. Чтобы люди знали, чтобы приходили, приезжали, чтобы соприкасались с этой историей, которую хранит их земля.

— Воскресная школа при храме буквально расцвела с вашим приходом. У вас уже и до этого был опыт такой работы?

— Воскресной школой я занимаюсь уже семь лет, с самого рукоположения, после благословления Владыки. Начинал в Иоанно-Предтеченской церкви в Барнауле. Там направили в воскресную школу преподавателем-духовником. С тех пор с ребятами дружно живём, — тепло улыбается отец Исаия. — Там уже поколение выпустили. Мои родители оба педагоги. Мама преподавала немецкий язык, отец — Царство ему Небесное! — труды. Я постоянно был в школе. В этом, наверно, призвание — заниматься детьми, педагогией, воскресной школой.

Тогда я спрашиваю отца Исаию о вечерках.

— Когда приходишь на новое место, то видишь людей, узнаёшь их, знакомишься с их интересами. Благословляешь — и они сами начинают двигаться в нужном направлении. Екатерина Дмитриевна уже давно в храме, ездит сюда из села Озёрки. Народное направление её родное, дело её жизни. Но здесь всё-таки в основном монахи были священниками и дело притормаживали — мол, несовместимо народное направление с храмом. А отдельного помещения для воскресной школы не было. С Божьей помощью мы это дело совершили. Теперь

есть отдельное помещение за перегородкой, где мы никому не мешаем, где мы можем собраться все вместе, попеть, даже потанцевать. Провели вечерки, людям понравилось. Здесь ведь и русские народные, очень яркие костюмы, и гармонь, и частушки-прибаутки! Это воссоединение со стариной, без всяких новшеств. Если у нас есть наша культура, почему бы её не показать — и в первую очередь воспитанникам? Одна из наших задач — это привить русскую культуру детям. Чтобы знали, чтобы умели где-то и спеть, и сыграть, и станцевать. Ведь возрастание духовное многогранно.

— Что преподаёте детям в воскресной школе?

— Очень важно познакомить детей с православными традициями, равно как и традициями народными. Этим и занимаемся. Кроме того, у нас есть гончарное направление, кондитерское — тортики печём профессионально, оформляем, украшаем. Есть и музыкальное направление, учим игре на балалайке, на гармошке, на баяне, на гитаре. Есть небольшой внутренний ансамбль, цель которого — научить ребёнка владению инструментом, открыть в нём собственные возможности. Я сам веду гитару, балалайку и кондитерское, мы вместе всё делаем. С прихожанами сядем, подумаем, чем детей занять. Так и начинается, Божьей помощью, соборно.

Мы с сыном подходим к железнодорожной станции, начинаем подниматься на мост. За нашей спиной остаётся маленькое здание вокзала, деревянное, с крылечком в шесть ступенек. Наши Озёрки разделены железнодорожной линией пополам. Общеобразовательная школа и школа искусств, мемориал, клуб, почта и несколько магазинов — на этой стороне, а ещё несколько магазинов, сельсовет, детский сад, поликлиника, лесхоз и церковь — на другой.

Издали, постукивая колёсами, показывает нос электричка. Сын оглядывается на неё, с высоты моста окидывает взглядом широкий, зелёный мир под синим небом с кудрявыми облаками. Озёрки со всех сторон окаймлены сосновым бором, но в них самих преобладают берёзы и клёны, среди пышных крон проглядывают крыши домов и виднеются огороды.

Вполуха слушая сына, на ходу думаю, успели ли в воскресной школе сшить для меня костюм. Русские народные костюмы проектирует тоже Екатерина Дмитриевна. Шелковистые, длинные, до пола, сарафаны, рубашки с пышными рукавами, тесьмой и вышивками надевают на праздник все участники — сегодня и я попадаю в их число.

В связи с этим вспоминаю русские народные костюмы, которые несколько дней назад мне показывал человек, относящийся к другой

церкви, тоже православной, а точнее — к Русской православной старообрядческой церкви.

Александр Константинович — хозяин предприятия «Алтай-Старовер», где готовят травяные сборы, настои, чаи и бальзамы на основе алтайских трав и мёда.

Я прикасалась к мужским рубашкам, вышитым по вороту и рукавам, длиной до середины бедра; к длинным, до пола, тонким сарафанам, весь лиф которых, включая плечи, тоже покрыт плотной вышивкой. Обязательным дополнением женского наряда здесь служат передники. Особенно интересным показалось мне то, что пояса — плетёные, с кистями на концах — полагаются не только к мужской рубашке, но и к женскому сарафану, который подпоясывается под грудью. Такие костюмы надевали на праздники старообрядцы.

По стенам всего предприятия развешены картины — живопись и рисунки, а также фотографии, сделанные в том числе и самим Александром Константиновичем. Когда мы побывали здесь впервые с моей матерью, она долго потом не могла подобрать слова, чтобы описать мне, что же там такого необычного изображено, на этих фотографиях, произведших на неё такое сильное впечатление.

— Там люди, природа, животные, но, понимаешь... Там душа! Во всём — душа!

Расположившись в кабинете гостеприимного хозяина, я беседовала с ним за чашкой душистого травяного чая со свежим мёдом.

— Александр Константинович, что же такое «старовер»? Корректно ли называть вас этим словом?

— Ну, это, можно сказать, обзывалка. Людей, принадлежащих к старообрядческой церкви или, вернее, к течению старообрядческому, потому что есть беспоповцы, можно назвать староверами. Но лучше говорить «старообрядцы».

Я прошу моего собеседника рассказать о себе, своей церкви и вере, о старообрядцах, живущих у нас на Алтае, и их истории.

— Ну, мои-то предки из Забайкалья, они, понятно, старообрядцы. Там они называются семейскими. Потому что приезжали в те края откуда-то из Белоруссии, из-под Гомеля, большими семьями. Это было во времена раскола, ещё в восемнадцатом веке. Мои мама с папой уехали из Забайкалья, когда мне был годик. Уехали, потому что там заработки были плохие, невозможно было даже прокормиться. Я помню, мама рассказывала, отец пришёл с флота, и у него было байковое бельё, из которого мне сделали пелёнки.

Александр Константинович улыбается и поясняет:

— Так люди и путешествуют — за лучшей жизнью. Причём за лучшей материальной жизнью. За лучшей духовной редко кто путешествует. Но предков своих я немного знаю. Вот у меня на стене висит фотография, где мой прапрадед с женой, их имена Андрей и Анна; прадед с женой, Михаил и Наталья; мой дед и трое его братьев-погодков, все в сапогах,

хоть и совсем маленькие. Деда звали Илларион. Это по папиной линии. А по маминной помню только деда. Все они жили, были старообрядцами. Изнутри о вере очень трудно рассказывать. Ну, живём и живём, молимся Богу и молимся.

— А об истории алтайских старообрядцев вы что-нибудь знаете?

— Знаю, что на Алтай они пришли откуда-то с севера Сибири. Жили первоначально в Горном Алтае и далеко не сразу расселились по всему Алтаю. Немного позднее сюда переселили так называемых поляков — тех старообрядцев, которые бежали во времена раскола в Польшу. После революции старообрядцам снова крепко досталось, и только вот, уже в девяностых, наши старообрядческие церкви начали возрождаться.

— Можете ли вы описать праздники, традиции, сохранившиеся у старообрядцев?

— Праздники у нас с Русской православной церковью одинаковые. Святые уже после раскола разные. И потом, мы канонизировать своих святых начали только в девяностых годах. Начали потому, что надо, чтобы не прерывалась канва канонизации, канва почитания — это же нужно для следующих поколений. Понимаете, каждое поколение находит своих святых — для того чтобы выразить любовь к Богу и отметить те события, и в тех событиях — людей, которые были преданы Богу. Как и в Русской православной церкви, среди старообрядцев много было, конечно, людей, которые погибли во время гонений в тридцатых годах прошлого века, много мучеников, достойных канонизации.

Да, традиций много, и это русские традиции. Это традиции в одежде, мы их придерживаемся, на праздники одеваемся или ещё в каких-то торжественных случаях. Это обязательно пояса, рубахи. У женщин — сарафаны, передники.

Допустим, Троица. Это были народные гуляния, хороводы, песни. На венчание — это были целые обряды. Например, свадьба празднуется у нас, только если приглашается старый человек, который знает традиции.

— Расскажите немного об истории компании «Алтай-Старовер».

— Компания существует с 1995 года. А история простая. Требовалось предприятие, потому что нужно было финансировать строительство церкви. И тут пришли на помощь наши традиции, то, в чём мы были сильны: алтайские травы. Так мы и появились. Конечно, были те, кто помогал предприятию строиться и развиваться. Я многих людей, которые у нас работали, с теплом вспоминаю. И сейчас на предприятии работают разные люди, не обязательно старообрядцы. В основном люди встречаются, чтобы друг через друга расти — профессионально и, конечно же, духовно. Потому что нет разделения, у человека не бывает недуховной жизни. Он всё равно поддерживается духовными силами, теми, которые к его душе приставлены. Человек рождён Богом, поэтому он духовен изначально. Это нужно большие усилия приложить, чтобы выйти из духовного существования, но Господь всё равно всех любит,

всех поддерживает.

— А откуда ваши рецепты? Старинные они или современные?

— *Рецепты мы собирали, специально обращались к старым людям. Но какие-то рецепты я составил сам. Рецепт составить — это всё равно что хорошее стихотворение написать, от контакта души с Богом, по вдохновению. Ведь и новые рецепты происходят на основе старых. К тому же, кроме трав, многое лечит сам травник. Он лечит своим сознанием. То есть к любому рецепту, любому сбору всегда есть мозги человека, который их предлагает, и там как раз закладывается основная целебная сила. Личность должна быть.*

— Часто можно услышать, что люди, мол, раньше были лучше, вера крепче. А вы что об этом думаете?

— *Я с этим и согласен, и не согласен. С одной стороны, знаете, как музыкальный инструмент может постепенно расстраиваться? Так и люди, они сейчас расстроены. То есть теряют нужный тон. И вера действительно раньше была крепче. Люди были другие — проще. А с другой стороны, хочу сказать, это всё относительно. Относительно времени сейчас люди гораздо тоньше понимают связь с духовными силами. Сами взаимоотношения с Богом сейчас другие. Теперь сама психика у людей другая, более тонкая.*

Мне вспоминается и другой национальный костюм, который, ещё будучи зрячей, я рассматривала у своей кумы, матери моей крестницы. Мы дружим уже больше двадцати лет. По национальности они телеуты. Это одна из малых народностей, коренных в Сибири и на Алтае.

Юлия — красивая статная женщина, черноглазая, чернобровая, с густыми блестящими волосами. Двигается она с врождённым чувством собственного достоинства, говорит с лёгкой улыбкой, смотрит прямо. Несколько лет назад она закончила регентскую школу и теперь поёт на клиросе в храме Живоначальной Троицы в Барнауле.

Помню, как она раскинула передо мной платье, полностью отличающееся от русского сарафана. Это платье — скорее туника из плотного материала, воротник-стойка, вышитый и расшитый бисером; рукав широкий, собранный у запястья на манжет. Пояс тоже вышитый, весь сверкающий бисером.

— *Это платье называется кунёк, — поясняет Юлия. — Его надевали с шароварами. А по праздникам поверх него полагалось вот это.*

Юлия достаёт и раскидывает рядом халат. Он шёлковый, яркий, с цветными вшитыми вставками. Юлия поясняет:

— *На наших костюмах много красного, потому что считается, будто*

красный цвет защищает и приносит здоровье.

И она добавляет, что обувались телеуты в сапоги с высокими голенищами и вышитыми подъёмами. На голове женщины носили платки. Были ещё национальные островерхие шапки с кисточкой, их носили и мужчины, и женщины.

Я специально позвонила Юлии и попросила её рассказать о быте телеутов, об их традициях и религии.

— *Телеуты вели полуоседлый образ жизни, — рассказывает Юлия, — разводили крупный рогатый скот, свиней, овец, но главное — лошадей. Мальчики с семи лет учились бросать аркан, были ловкими наездниками. Девочки становились хорошими хозяйками, очень чистоплотными. Жили от леса, собирали ягоды, грибы, орехи. Мужчины охотились. К природе относились бережно, одушевляли её — и деревья, и камни, и воду.*

— А какая религия была основной?

— *Шаманизм. Причём шаманами могли быть и мужчины, и женщины, и становились шаманами по наследству.*

— А какие-то особенности телеутского шаманизма ты можешь назвать?

— *Пожалуй, то, что поддерживаются шаманами в первую очередь женщины и дети, особенно роженицы. Куклы-обереги, которых изготавливают шаманы, передаются по женской линии.*

— Ты видела этих кукол? Какие они, из чего сделаны?

— *Из тряпок. Рук и ног у этих кукол нет, глазки — бисеринки. И лица не прорисованы, как бы набросками, нечёткие. Есть ещё небольшие деревянные божки, или, если хочешь, идолы. С вырезанными лицами. Их хранили у очага.*

— А когда телеуты стали принимать православие?

— *В девятнадцатом веке. Алтайская духовная миссия стала обучать детей грамоте, люди начали принимать крещение. Рассказывают такую историю. Человеку одному стало плохо, заболел тяжело. Он таким известным человеком был! А в то время как раз православие проповедовала Алтайская духовная миссия. Ему говорят: крестись. Он: не буду. Другие крестятся, а он: не буду. И шаманы к нему приходили, лечили его, а ему всё хуже и хуже. Вот уже когда чувствует, что совсем смерть близка, тогда только зовёт священника: ну, приходи, приму, мол, я крещение. И покрестился. И что куда делось! Вот такие случаи были у нас. И сам человек крестился, и всю семью свою крестил. Так и живём, сохраняем и шаманизм, и православие.*

— А где именно селились телеуты? — спрашиваю я.

— *Изначально — по всей Сибири. Сейчас наши посёлки есть в Алтайском крае и в Горном Алтае, но в основном в Кемеровской области. Я сама и выросла, и училась именно там, в Белово.*

— Как жили телеуты в сёлах, в которых ты бывала? Что помнишь лично ты?

— *Помню очень чистые дома с русскими печами, деревянной*

и глиняной посудой, спали на полатах; подушки были вышитые. Бывало, идёшь по улице, соседка сидит на крылечке, туесок делает. Красивый такой!

— А о праздниках можешь рассказать что-нибудь? Допустим, как праздновали Троицу? Это был целиком православный праздник — служба в церкви, домашнее застолье — или в празднование входили и элементы национальных обрядов?

— *Церковь — это конечно! Но ещё я помню, на Троицу ходили в лес, приносили молодую берёзку. К веткам привязывали белые и красные ленты. На счастье, на ограждение от зла.*

— Насколько я знаю, твоя бабушка, Рюмина-Сыркашева, была одним из авторов телеутского букваря?

— *Да. И это не единственная её работа. Дело в том, что носителей телеутского языка осталось очень немного, всего-то около тысячи человек, и очень больно будет, если он исчезнет! Ведь это культура народа, древнейшая и ценнейшая. Невосполнимая, если, не дай Бог, её утратить!*

Когда я бываю у Юлии в гостях, она иногда включает мне записи песен на телеутском языке.

— А о чём эти песни? — спрашиваю я.

— *О природе, о любви — это вечные темы. Но есть и очень старинные сказания — по-другому и не назовёшь. О великих деяниях предков, о Шюню-богатыре, о битвах. Но песни на этих моих записях, конечно, гораздо более современные. Многие песни — авторские. Но разве не это говорит о том, что язык продолжает жить и развиваться?*

Облака у нас над головой понемногу собираются в стайки, темнеют. В свете пробивающихся среди них солнечных лучей впереди блестит ясным золотом крест церкви. В высоком небе начинает прокатываться гром, и мы с сыном ускоряем шаг — не хватало ещё промокнуть самим и намочить гармонь! Спускаемся с моста, быстро идём по тропинкам через пустырёк, густо поросший живописным, лоснящимся на солнце разнотравьем. Здесь переплели высокие стебли белый и жёлтый душистый донник, и клевер, и жёлтые цветочки куриной слепоты, и дикий львиный зев, который мы называли в детстве собачками... Лёгкий ветер доносит до нас горьковатый аромат полыни.

И вот перед нами два крылечка, одно — в храм, другое — в воскресную школу. Из-за её открытой двери уже слышатся голоса и звуки гармони — это разыгрываются перед выступлением участники вечёрок. На крыльцо выходит, прихрамывая, Екатерина Дмитриевна, высокая, прямая, сухощавая и на первый взгляд суровая, волосы убраны под платок. Несколько лет назад она попала в аварию, после которой

осталась у неё эта мучительная хромота. Но Екатерина Дмитриевна всегда бодра, всегда благодарна Богу и удивительно добра со всеми, с кем бы ей ни пришлось общаться.

Когда я впервые услышала её пение во время службы, то не могла перевести дух от странного чувства. Мне казалось, что если бы сама земля могла обрести голос, она пела бы именно так: глубоко, сильно, вековечно. Признаюсь, я до сих пор иду на службу не в последнюю очередь для того, чтобы услышать этот голос, земной, материнский и всё прощающий.

Екатерина Дмитриевна служит в нашем храме шесть лет, хотя живёт в селе Озёрки. Регентовать было некому, а у неё за плечами — музыкальное училище и Институт культуры.

— *Впервые я пришла в храм в пятьдесят лет, — по моей просьбе рассказывает себе Екатерина Дмитриевна, — это семнадцать лет назад. Тогда впервые исповедовалась. Пришла спокойно, без жизненных трагедий, без потрясений, не то что горе какое-то заставило, просто время, наверно, подошло.*

— И всё-таки, — уточняю я, — было же что-то, что направляло вас к храму?

— *Многие точки сходились к этому. Была подростком и увидела в Барнауле, как монах заходил в Покровский храм: такое почтение, такое поклонение! И видение это осталось навсегда. Были и другие моменты...*

— А как вы начинали работу в храме?

— *Я музыкант, хоровой дирижёр. Церковного пения не знала, но оно очень близко к академическому, а моей специальностью было как раз академическое направление. Народное же — это мои корни. Родное, деревенское. И эти корни мои всё живут, прорастают! К пенсии я такую информацию набрала! И в «Песнехорках» работала, где всё на русских традициях. Научилась работать и с народной игрушкой, и с пением, с танцами народными, бытовыми. Нет, народное — это не профессия, это то, что давал Господь, что впитывалось само. Мне это было интересно.*

Например, пришла на вечёрки во Власихе, посмотрела, как они это проводят. У них просто: сначала гармонист сел поиграл, потом стали подпевать, всё больше, больше, потом игры какие-то, танцы. Так, незатейливо. Разыгрались, поплясали, и на этом закончилось.

У нас же костюмы, и тексты, и поговорки, и прибаутки, они все такие красочные! В праздничных программах у нас участвуют и взрослые, и дети. Мы знакомим ребятшек в воскресной школе с православными и народными традициями: рождественскими, пасхальными, троицкими и со многими-многими другими. Мы учим детей рисовать на духовную тему, учим росписи яиц, росписи по дереву, изготавливаем с ними народную игрушку из природного материала: из глины, рогоза, из дерева, а ещё из цветных лоскутков, пластилина. Мы разучиваем

с детьми не только церковные песнопения, но и русские народные песни, хороводы, детские народные игры.

— Какое богатство! — невольно восклицаю я. — И ведь всё это необходимо сначала освоить самому, только потом можно передавать другим!

И я прошу Екатерину Дмитриевну побольше рассказать о себе.

— В пять лет меня сдали в детдом, — просто отвечает она, — и с тех пор я жила уже в Барнауле. В то время специалисты ездили по детдомам, прослушивали и отбирали детей в музыкальные детдома. Имне сказали: ты можешь учиться у нас. Я была в четвёртом классе. Мама приехала навестить меня, я сказала: мол, говорили — в музыкальный детдом, и всё никак. Мама тут же взяла мои документы и перевела меня. Я стала заниматься по классу баяна.

Детдом был в расцвете. Нашими шефами были «Трансмаш», «Моторостроитель» — богатые заводы! Они помогали нам. У нас были дни именинников, мы принимали гостей, их угощали, были концерты. У нас работали крупные специалисты: и хоровики, и хореографы, и режиссёры, был духовой оркестр, проводились шикарные новогодние праздники. Вся округа, все шефы приезжали в гости, и профсоюзы. Я когда пришла работать в школу — куда их праздникам до тех! И я пошла учиться, чтобы делать праздники.

— А где вы учились после детдома? — спрашиваю я.

— После музыкального детдома нас без конкурса принимали в музучилище на хоровое отделение. Это же ещё при Советском Союзе было, тогда детдомовцам зелёная улица везде была. Училище закончила в 1976 году. А Институт культуры заканчивала уже в 1991, работала и заканчивала заочно. Думала, уже не будет у меня высшего образования: работа у меня, семья — муж, двое сыновей. Казалось, куда? А вот привёл Господь!

Сначала поступила на режиссёрское отделение, но не захотела так учиться: спектакли готовят, сдают, а праздника в них нет. А мне хотелось практически узнать, как делать праздник. Но не учат празднику!

Проучилась я так два года, перешла на методиста-организатора, думаю, может, там. И там то же самое — ничего! Одна теория, без практики. Нас не знакомили ни с какими наработками. Но я всё-таки закончила, стала организатором культурно-просветительской работы. Только мне это было неинтересно.

— Так откуда же ваши наработки?

— А практическое складывал Господь. Я попадала на мастер-классы, на фестивали ездила. Хореографию мне в детдоме дали, пение — в музыкальном училище, гармошку сама освоила. С утра до ночи работала, и пришли наработки. На фестивале нам показали, как шить народные костюмы, я сшила. Показали, как работать с камышом, с глиной. Много-много чего показали. А потом мы стали учить этому ребятшек.

Потом я перешла в Центр народного творчества «Песнехорки», и уже от этого центра стала работать в школе. Мы создали кабинет народного творчества, оформили его, как горницу, и много-много ребятшек занималось там. Игры, танцы, поделки. И для школы это было выгодно, потому что дети принимали участие и в городских праздниках, и во всевозможных конкурсах, и выставки свои делали, мы шили им костюмы.

Уже и здесь, в воскресной школе, мы нашили детям костюмов — опыт ведь уже есть, девочкам — сарафаны, мальчикам — рубашки. Набрали для этого ткани, тесьмы и даже уговорили в монастыре швею отстрачивать для нас костюмы. И пояпочки мы наделали. И даже батюшке нашему сшили рубашку.

— А почему вы стали осваивать гармонь?

— Помню, идёшь по деревне вечером, и звучит где-то гармошка — да так лирично, задушевно... Она так зацепила меня научиться играть! Бывало, возьму гармонь, попробую — а не получается. На гармони нет полутонов, как подберёшь песню? Попробую — и снова отставлю. Но так мне хотелось, что я понемногу начала всё-таки подбирать. Так и научилась сама. Господь знает, что делает! Всё, что нужно, Он мне дал.

— А на какой гармошке вы играете сейчас?

— Вот это у меня тульская гармонь, её кто-то в церковь принёс и отдал. А как называется батюшкина, не знаю. Когда мы стали ребятшек учить, он свою из дома привёз. Но только, говорит, чтобы вы и меня играть на ней научили!

— А регентскую школу вы заканчивали?

— Ну что вы! Я служила тогда в храме в селе Озёрки, и меня пригласили сюда. С тех пор и регентую. Пришлось самой учиться. Это была тяжеленная работа! Но за всё слава Богу! Сейчас вот уже приспособилась, немного разобралась. Составить службу я долго не могла, у меня не было знаний. Брала готовое в интернете, убирала, переделывала. Мне самую чуточку показали, и так работала. Постепенно стало получаться. Но поначалу просто бросало в страх: когда не знаешь и делаешь! Хору было тоже трудно. Я приезжала сюда к семи утра, и, бывало, мы только поздно вечером расходились — учились петь.

— А сколько ребятшек учится у вас играть на гармонии?

— Сейчас — всего трое: два Андрюши и Даша. Занимаемся бесплатно, думали, полдеревни соберётся, а вот — всего трое! Зато это те, кому действительно интересно.

Что же до народных корней... До пяти лет я жила в деревне, в сорока километрах от райцентра. Я помню это пение, эти праздники! Люди наряжались, за деревню выходили в поле, садились по семьям, с соседями рядом — и так формировались группы и принимали участие в празднике. Пели, вместе застольничали, плясали, шутили. Это так ярко было! Я хоть и совсем маленькая была, но впечатления остались на всю жизнь.

Екатерина Дмитриевна видит нас с крыльца и здоровается. Подходя, здороваемся в ответ.

— Мы не опоздали? — спрашиваем на всякий случай.

— Ну что вы! Заходите.

Но Екатерина Дмитриевна сегодня нарасхват. Кто-то звонко зовёт её, и она возвращается в помещение воскресной школы. В небе снова прокатывается гром. Мы подходим к крыльцу, поднимаемся по ступенькам. Вот наша обитель, и здесь мы укроемся от грозы!

Помещение воскресной школы небольшое, это одна комната, разубранная в стиле русской горницы. Со стены улыбается русская печка, на полках — выполненные в самых разных народных стилях поделки детей, игрушки: курочки с цыплятами, расписанные пасхальные яички, куклы. Панно из соломки, рисунки... Вдоль стен стоят лавки. На столе настоящий самовар и стаканы, блюда с выпечкой, накрытые большими вышитыми салфетками.

Вдоль одной из стен уже расставлены стулья для зрителей.

Екатерина Дмитриевна подаёт мне мягкий свёрток. Ощупываю — и невольно начинаю улыбаться: костюм! Сшили! Отойдя в сторону, осторожно надеваю рубашку, сарафан — шелковистый, мягкий, до самых щиколоток. Ещё бы лыковые лапоточки! Ладно, ноги в туфлях спрячу под лавку! С замиранием ощупываю затейливую вышивку, тесьму, аккуратные манжеты на широких, богатых рукавах. Завязываю на голове платочек.

Кто-то берёт меня за руку, отводит к моему месту. Усаживаюсь на лавку, сын ставит передо мной футляр с гармошкой. Слышу, как он убирает куда-то в угол мою трость — она стучает о стенку. Я расстёгиваю футляр, беру гармонь, накидываю на плечо ремень.

Разговаривая, собираются зрители, рассаживаются на рядах стульев. Участники занимают свои места. Приходит батюшка. Полагаю, он в своей вышитой русской рубашке. Побрякивают балалайки, гитара.

Наступает тишина, и к зрителям обращается Екатерина Дмитриевна:

— В народе говорят: кто не знает прошлого, тот живёт без будущего. Народные традиции передаются из поколения в поколение как великая драгоценность. Одна из таких драгоценностей — благоговейное отношение к Господу. Люди говорили: без Бога нету порога. И любое дело начинали с прошения помощи от Господа: Господи, благослови!

Поднимается наш батюшка, отец Исаия, звучным голосом благословляет всех.

— А что ж такое вечерки? — задорно продолжает Екатерина Дмитриевна. — Главное назначение вечеров — перезнакомить молодёжь. На вечерках играли, плясали. И заодно старались показать себя с наилучшей стороны не только в играх, но и в работе. Девушки пряли, вышивали, вязали, шили девичье приданое, а парни присматривались: какая девушка станет хорошей хозяйкой.

Из зрителей выбирают девушек, пришедших на праздник со своим рукоделием, рассаживают их на лавках. Кто-то из них принимается за вязание, кто-то вышивает или шьёт. Находится и пряха.

Гармошку берёт мальчик, один из двух Андреев. Он занимается у Екатерины Дмитриевны всего полгода, но лихо, с задором, играет частушки. Ребятишки и взрослые поют под его аккомпанемент.

Действие набирает ход. Звучат народные песни, поют дети, поют взрослые. Дети играют в «Берёзку», жмурки, в «Золотые ворота»... Мысленно перекрестившись, я подыгрываю им на гармошке.

Звучат шутки-прибаутки. Раздаётся стук во входную дверь, появляется девочка с корзинкой. Екатерина Дмитриевна встречает её словами:

— А вот и наша кума! Кума с базара пришла. Надо же, и на базар сходила, и на вечерку успела! Кому до чего, а куме до всего! Кума, как там базар, велик?

Девочка бойко отвечает:

— Я палку не бросала, в ширину не шагала!

— Кума, а что там почём?

— По лавкам пряники, по печам калачи, товар лесом, деньги счётом!

— Кума, а что на базаре дешёво?

— А дешёвы добры молодцы, по семи молодцев на овсяный блин, а восьмой на придачу пошёл.

— А сама-то что купила?

— Куделечки на три денежки, веретёнце на пятак, а картинку дали так!

И следует приглашение:

— Присаживайся, кумушка, отдохни да повеселись с нами.

Затем Екатерина Дмитриевна объявляет:

— Кто песни поёт, того грусть не берёт!

На стульях рассаживаются музыканты, разбирают инструменты. Опять звучат народные песни. Слаженно и удивительно хорошо льются народные мелодии.

И снова игры, смех, пересыпанный народными прибаутками:

— Федул, чего губы надул?

— Кафтан прожёт!

— Зашить можно!

— Да иглы нет.

— А велика ли дыра?

— Один ворот остался!

Зрители смеются, а мальчишки-артисты продолжают:

— Фома, что из леса не идёшь?

— Медведя поймал!

— Так веди его сюда.

— Да он не идёт!

— Так иди сам.

— Да он не пускает!

И вот уже звучит приглашение к самовару:

— В народе говорят: гости на порог, ставь, хозяйюшка, самовар!

Все — и зрители, и участники — рассаживаются за столом. Кажется, это окончание наших посиделок, но гостям не дают заскучать и теперь. Дети-участники, словно передавая друг другу эстафету, сыплют пословицами и поговорками — о семье, о доме:

— Создать семью нелегко, а сохранить ещё труднее!

— При солнце тепло, а при матери добро.

— Когда семья вместе, то и душа на месте.

— Любовь да лад, не надобен и клад...

После чая гости начинают прощаться.

— Не обходите нашего порога, коли будет мимо дорога! — отвечает Екатерина Дмитриевна. — А мы будем у окошка стоять, гостей поджидать.

...Усталые артисты снимают костюмы, обсуждают праздник. Екатерина Дмитриевна всем говорит что-то доброе, обращает внимание на особенно удачные моменты каждого. Потом спрашивает:

— Ну что? Понравилось? Будем ещё продолжать?

И дети радостно галдят:

— Будем!